Ольга Крылова

Одежда севернорусской крестьянки как семиотический знак

Studia Rossica Posnaniensia 32, 141-148

2005

Artykuł został zdigitalizowany i opracowany do udostępnienia w internecie przez Muzeum Historii Polski w ramach prac podejmowanych na rzecz zapewnienia otwartego, powszechnego i trwałego dostępu do polskiego dorobku naukowego i kulturalnego. Artykuł jest umieszczony w kolekcji cyfrowej bazhum.muzhp.pl, gromadzącej zawartość polskich czasopism humanistycznych i społecznych.

Tekst jest udostępniony do wykorzystania w ramach dozwolonego użytku.

MUZEUM HISTORII POLSKI

STUDIA ROSSICA POSNANIENSIA, vol. XXXII: 2005, pp. 141-148. ISBN 83-232-1609-6. ISSN 0081-6884.
Adam Mickiewicz University Press, Poznań

ОДЕЖДА СЕВЕРНОРУССКОЙ КРЕСТЬЯНКИ КАК СЕМИОТИЧЕСКИЙ ЗНАК

PEASANT WOMAN'S CLOTHES IN THE RUSSIAN NORTH AS THE SEMIOTIC SIGN

ОЛЬГА КРЫЛОВА

ABSTRACT. Russian national costume is a unique monument of a materialistic and spiritual culture of the nation. The features of national consciousness as well as its social, moral, religious and ethical ideals are concentrated in a national costume. Color and ornament are distinctive features. An overview of woman's costume, widely spread in the Russian North, is presented in the article.

Ольга Крылова, Институт лингвистических исследований РАН, Санкт-Петербург – Россия.

Русский народный костюм является уникальным памятником материальной и духовной культуры нации, человечества, отдельной эпохи. В народном костюме, как в фокусе, сосредоточены наиболее важные черты и особенности народного сознания, его социальные, нравственные, религиозные представления, этические идеалы, для выражения которых использованы художественные средства. Это цвет и орнамент, формы, реализованные в крое.

Рассмотрение народной одежды в качестве своеобразного языка культуры впервые предложил П.Г. Богатырев, представив структуру народного костюма как особый вид семиотической системы. Он показал, что традиционная одежда может быть знаком, приобретая при этом значение, выходящее за пределы обыденного представления. Исследователь выделил практическую, утилитарную, эстетическую, возрастную, социально-половую (функция костюма замужней женщины) и тесно связанную с ней моральную функцию, а также функцию праздничного костюма, обрядовую, профессиональную, функции, указывающие на род занятий, вероисповедание, и региональную функцию[1].

Одежда настолько слилась с человеком, что стала как бы его оболочкой. Широко распространены верования в то, что одежда может принимать на себя свойства и болезни ее хозяина, иногда замещать его самого. В соответствии с этими верованиями, во время родов используют одежду мужа роженицы, какую-то часть одежды (кусочек от нее) используют в лечебной магии или,

[1] П.Г. Богатырев, *Вопросы теории народного искусства*, Москва 1971.

напротив, для нанесения вреда, „порчи". Крестьяне, вообще щедрые на милостыню, почти ничего не подавали нищим из одежды, опасаясь, что через одежду можно причинить вред ее бывшему владельцу.

Хорошо известна такая примета: если ребенок родился в пеленке, сорочке, шапочке или рубашке (т.е. уже прикрытый, в природной оболочке), то он уже как бы наделен счастливой долей. Счастливая доля выпадала далеко не каждому, и чтобы обезопасить ребенка на всю жизнь, во время родов совершали определенные действия. Так, только что родившегося мальчика на несколько минут заворачивали в рубаху отца, а девочку – в рубаху матери. Причем рубаху перед этим не стирали. Иногда новорожденного закутывали в рукотерник (полотенце, которым вытирала руки вся семья). Пеленки и свивальник для новорожденного также делались из старой одежды. В случаях, если раньше в семье дети умирали, повитуха принимала новорожденного на штаны отца. Одежда отца или матери, используемая при рождении ребенка, имела не только охранительную символику, но и наделяла ребенка долей-судьбой, возможностью дожить до зрелого возраста, до старости.

Каждый следующий этап жизни человека отмечался новой одеждой. На крестины крестная мать готовила рубашечку для ребенка, которую часто хранили всю жизнь. Эта рубашка была самого простого кроя – кусок холста или коленкора, перегнутый пополам, с вырезанным посередине отверстием для головы. При крещении ребенка также могли использовать свадебную одежду отца или матери.

Различия в одежде мальчиков и девочек проявлялись в возрасте от 4 до 8 лет. Часто только к 9 годам мальчикам одевали штаны, а девочкам – сарафанчик. Если случалось куда-нибудь ехать с маленькими детьми, то их укутывали в одежду взрослых. Считалось, что дети, которые отказываются одеваться или сбрасывают с себя одежду, дольше живут на свете.

Севернорусский сарафанный комплекс составляли: *рубаха*, *сарафан*, *пояс*, *душегрея*, *кокошник*, *украшения*, *обувь*. Севернорусские сарафаны по покрою были разнообразны: косоклинный глухой; косоклинный распашной или со швом спереди; прямой, собранный на обшивке, с лямками; сарафан с лифом.

Наиболее древним считается глухой косоклинный сарафан (*шушу́н*, *мату́рник*, *маре́нник*), который шили из перегнутого по плечам полотнища ткани со вставками клиньев в боках. Первоначально наиболее старинные образцы сарафанов имели для фасона пришитые со спины длинные узкие рукава, зачастую фальшивые. Обычно их затыкали за пояс или связывали узлом на спине. Такие сарафаны сохранялись в быту псковских староверов и в Новгородской губернии до второй половины XIX в.

Ко времени возникновения Московского царства этнографы относят распространение распашных косоклинных сарафанов (*кли́нник*, *кита́ечник*, *феря́зь*). Основной их признак – два прямых полотнища спереди и одно сзади, соединенные при помощи косых боковых клиньев. Особую роль в украшении распашных сарафанов играли пуговицы. Сильно расклешенный силуэт косо-

клинных сарафанов, вертикальные линии отделки подчеркивали стройность женской фигуры.

Позже появился круглый, или прямой, сарафан на лямках, который шили из нескольких прямых полотнищ ткани, густо сосборенных у верхнего края (*кругля́к*, *кру́глый сарафа́н*). Сборки прикрывались прямой обшивкой, к которой пришивали лямки.

Четвертый тип – это сарафан с лифом (*ли́фник*). Здесь основным признаком является наличие лифа в верхней части сарафана, облегающего грудь и спину или только спину, который пришивался к пышной сосборенной юбке. Сарафан с лифом распространился в некоторых губерниях в предреволюционное время и проник в деревню из города.

Обычно приданое начинали запасать, когда девушка была еще почти ребенком. Приданое – дело непросто, для него готовилась одежда праздничная и повседневная, причем в нескольких комплектах: для ношения в молодом, среднем и пожилом возрасте, т.е. одежда на всю жизнь. Считалось, что платье, сшитое во время, когда человек приближался к периоду максимальной жизненной силы, сохраняло эту магическую силу в себе, и чем на больший период жизни (до старости) заготавливался комплект одежды, тем дольше ее владельцу суждено прожить.

Особенности в одежде различных по зажиточности групп крестьянства в середине XIX в. выражались не столько в покрое и типе одежды, сколько в качестве тканей, употреблении ценных украшений. Девушка, достигшая совершеннолетия, обязательно должна была иметь шелковый сарафан *ше́лковик*: „Только в праздники носили. Красивы сарафаны. В деревне шелковиков уж ни у кого не осталось, сарафанов-то шелковых" (Пинеж. Арх.), или *ба́рхатник*: „Сарафан из бархатной материи шили, бархатник" (Череп. Волог). *Шелковники*, *атласники*, *штофники* и *гарусники* были дорогими, надевались по большим праздникам, и их количество у невесты указывало на уровень благосостояния семьи. „*Канифасник* да *атласник* держат к Спасу, кумачник держат ко Владимирской, осенью праздник" (Карг. Арх.). „*Штофник* да какой-то гранитурник давала бабка наряжаться" (Пинеж. Арх.). „В *галитурниках* венчались, красивы с застежками, синяк такой, только он красивой с вышивкой по подолу да с застежками" (Арх.). „Платьице гарусное надела, дак и перестали дразнить, *гарусник*, а пестряденно сняла" (Кирил. Волог.). „Богатые девушки имели по несколько штук каждого вида сарафанов, невеста из семьи среднего состояния – только по одному. Дала сундук окованный. В этом сундуке чего только нет! Штофники, парчовники, и золотом и серебром – всем наградила" (Медв. КАССР). Самые бедные девушки и женщины совсем не имели *атласников* и *гарусников*, и самой их нарядной одеждой были *кумачники* и *ситечники*. Вследствие этого то небольшое количество домотканой одежды, которую они могли изготовить своими силами, они старались как можно наряднее украсить узорным ткачеством и вышивкой. „У меня был *атласник*, *гарусник* и *канифасовик*" (Тарног. Волог.). „У крещеных-то было

аглечник да *сатинник*, *агличник* только богатые держали, а у бедных не было" (Пудож. КАССР). „Кто жили побогаче, те уж и *кашамерники* заведут" (Никол. Волог.).

В б. Череповецком уезде Новгородской губернии, как пишет М.К. Герасимов, девушки в соответствии с их богатством или бедностью составляли отдельные хороводы в праздник: наиболее богатым был хоровод „бархатниц", затем – хоровод девушек, одетых в „гарусники" – сарафаны из шерстяной материи, а бедные составляли хоровод из одетых в „ситцевики"[2].

Особое значение в народном костюме придавали цвету как средству наибольшей выразительности. Важно отметить, что при довольно стабильных формах народного костюма всегда существовало разнообразие цветовых и орнаментальных комбинаций. Цвет играл существенную роль в народной одежде, сообщая определенную информацию о носителе данного костюма. При этом различие в цвете костюма воспринималось гораздо легче, чем изменения в крое или ткани, особенно на расстоянии. Цвет одежды как бы предупреждал собеседников, с кем они имеют дело и какую позицию нужно занять в отношении этого человека. Такую задачу в народной культуре выполняли очень многие цвета, а сообщаемая ими информация была столь существенна, что носитель одежды однозначно занимал определенное место в общественной иерархии.

У богатых невест в приданое входило до 3–5 десятков сарафанов: красные, которые носили молодыми, пестрые – для среднего возраста и синие (*синякú*) – для пожилого. Подвенечный сарафан нередко или черного, или синего цвета, красный надевали на второй день после свадьбы (он символизировал супружество).

Основной частью костюма русских крестьянок до начала XX века была длинная конопляная рубаха. Рубахи, которые носили с сарафаном, могли быть цельные (*проходнúца*: „В приданом у меня всего две проходницы было. В баню-то пойдешь – *проходницу* чистую возьми" (В.-У., Тотем., Никол. Волог.); *проходёнка*, *проходнýха*: „*Проходнуха* – нижняя женская рубашка с рукавами и вышивкой, которую невеста дарила родственницам жениха (Тотем. Волог.); *одностáн*, *одностáнка* (Волог.), *исцéльница*, *пропускнúца*: „Была рубаха моя подвенечная, венчалась, стан не отрезной, *пропускница*" (Пинеж. Арх.). Рубахи „исцеленницы" были распространены по рекам Мезени и Пинеге в первой пол. и сер. XIX в.[3]. Рубахи составные чаще шили из разных тканей. Верхнюю часть (рукава, воротушку, грудку, оплечье) делали из более тонкой, частой покупной ткани, нижнюю часть (подставку) – из домотканины. Бытовали также рубахи из дорогих шелковых тканей, а позднее – из миткаля, ситца, коленкора, сатина, парчи.

---

[2] М.К. Герасимов, *Некоторые обычаи, обряды, приметы и поговорки крестьян Череповецкого уезда Новгородской губернии*, „Этнографическое обозрение. XX" 1894, № 1, с. 121.

[3] И.П. Работнова, *Русская народная одежда*, Москва 1964, с. 12.

В деревне дни сенокоса, окончания жатвы, первого выгона скота считались праздничными, и крестьянки наряжались в специальные рубахи с богато украшенными подолами (*подо́льница*: „*Подольницы-то* все издержала, никакой нету. Если становина вышита, то это *подольница*" (Онеж. Карел.); *поко́сница* (Волог., Арх.), *сенако́сница*: „*Сенокосницы* были с моршатами, сено косили в них" (Волог.); *наподо́льница*: „К сенокосу девки и бабы готовят себе чистые *наподольницы* – рубахи с вышитыми по подолу из красной бумаги каймами, или с обложенным кругом его лентами и кружевами" (Кадн. Волог.); *жа́тельная рубашка*: „Как рожь-то поспеет, выходили мы жать и одевали *жательные рубашки*. Женщины *рубахи жательные* имели, мужчины все в том же, что и дома" (Кириш. Ленингр.); *страдову́шка*: „*Страдовушки* – страдовые рубашки, с точива сошьешь, а потом рукава пришьешь. *Страдовушки*, когда жать, рожь жати с красным узором *страдовушка*, а овес жать – с белым узором" (Сол. Новг.). Носили их с большим напуском под опояском – узким ярким пояском, под который подтыкали холщовый платок или полотенце для вытирания пота. Иногда этот наряд дополнялся передником либо юбкой. В северных губерниях покосные рубахи со второй половины XIX в. начинают шить с верхом из кумача и станом из белого холста, клетчатой пестряди или набойки. Широкая полоса тканого геометрического узора, украшавшего подолы, превышала порой 30 см. В более ранние времена она выполнялась только из красных ниток, позднее дополнилась вышивкой разноцветным гарусом.

С глубокой древности на Руси существовал обычай шить праздничные рубахи с очень длинными рукавами, собиравшимися у запястья красивыми складками. В особо торжественных случаях рукава спускались почти до земли, а руки просовывались в специальные „окошечки", прорезанные на уровне локтя. В праздничной и свадебной одежде Вологодской, Олонецкой, Архангельской губерний встречались рубахи с рукавами длиной до 100–120 см (*долгоруки́вки*). В Олонецкой и Архангельской губерниях свадебные рубахи с такими длинными рукавами назывались *убива́льницами*[4], *пла́кальнями* или *маха́вками*[5], *маха́льницами*, так как уезжавшая под венец невеста, прощаясь с родными, причитала („убивалась") и размахивала длинными рукавами.

Рубаха непосредственно соприкасается с телом человека, и, чтобы обезопасить его, нужно было лишить злые силы возможности проникнуть внутрь одежды через отверстия: ворот, подол, рукава. Отпугнуть нечисть могла вышивка, в которой зашифрованы древние магические символы.

Своеобразными были способы орнаментации. В северных губерниях вышивку выполняли хлопчатобумажными, шелковыми и золотыми нитями.

---

[4] И.П. Работнова, В.М. Вишневская, Л.А. Кожевникова, *Народное искусство Архангельской области*. В: *Сборник трудов НИИХП*, вып. 1, Москва 1962, с. 18

[5] Л.В. Тазихина, *Север Европейской части РСФСР*. В: *Крестьянская одежда населения Европейской России: XIX – начала XX в. Определитель*, Москва 1972, с. 133.

В узорах традиционными мотивами орнамента были изображения женской фигуры – символа плодородия, солярных знаков: кругов, крестов, свастики, усложненных ромбов, коня, оленя, птицы; дерева – символа вечно живой природы; двух птиц – голова к голове – символа счастливого брака.

Важной составной частью праздничного сарафанного комплекса была плечевая одежда – *душегре́я* (коротёна) – род короткого кафтана с рукавами или без рукавов (*обжи́м*, *обжима́лка*: „А вот пойду *обжималку* надену, что-то схолодало" Череп. Волог.; *ли́фик*: „На плечи надевали лифик, не такой как теперь" Белоз. Волог.). Бытовала и совсем коротенькая безрукавка на лямках (*перо́*, *пёрышки*, *епа́нечка*) с трубчатыми складками на спине. Особенно нарядные образцы такой одежды изготавливались из узорных шелковых тканей, парчи, бархата, сплошь расшитого золотыми нитями. Для тепла душегрейки подбивали ватой. Распашные шугаи́ (тип жакета) с рукавом простегивали на вате, отложной воротник и рукава отделывали мехом.

Особое внимание крестьянки уделяли головным уборам, которые наиболее ярко отражали возрастные и социальные изменения в жизни девушки и женщины. Девушки полностью волосы не закрывали, а замужние женщины их тщательно убирали. Девушки до замужества носили *повя́зку*, *поче́лок* – 'девичий головной убор в виде широкой ленты, украшенной жемчугом, бисером, позументом'. Чтобы придать ей жесткость, делали основу из бересты или картона шириной 5–6 см. Этот головной убор закреплялся двумя тесемочками на затылке. Достигая совершеннолетия, девушка вплетала в косу ленту с бантом на конце в знак того, что ее можно сватать. Сговоренка, т.е. просватанная девушка, надевала повязку с *нате́мником* – кружком или овалом, прикрывающим ей макушку. Это был переходный тип головного убора от девичьего к женскому. Просватанная невеста украшала косу длинной широкой лентой красного или желтого цвета. В день венчания или накануне невеста передавала ленту (девичью волю) своим подружкам. Свадебный головной убор *кору́на* надевался поверх девичьей повязки. После венчания происходил обряд окручивания, когда свадебный головной убор заменялся женским, который состоял из нескольких съемных частей. Крестьянки среднего возраста и старухи носили под платком *пово́йники* или *косынки*, молодые женщины по праздникам украшали голову *кокошником*.

Кокошник изготавливался обычно профессиональными мастерицами-золотошвейками из фабричных тканей с использованием в орнаментации бисера, фольги, стекла, рубленого перламутра и речного жемчуга. Наиболее характерными орнаментами были растительные, а также изображения птиц.

Формы головных уборов к сарафанному комплексу были разными: *кокошник* в форме шапочки с вытянутым вперед очельем с лопастями, прикрывающими уши (Каргопольский уезд Олонецкой губернии); *кика*, украшенная обшитыми жемчугом и бисером шишками, олицетворявшими культ плодородия (Псковская губерния). Еще одной разновидностью северных женских головных уборов была *шамшура* – тип шапочки с твердым околышком или

дном и завязками сзади. В большинстве губерний дорогие *кокошники* и *шамшуры* носили с платками, вышитыми золотыми и серебряными нитями.

В конце XIX в. получил распространение *казачо́к*: „А женщины носили *казачки*, кофты такие, сшиты были из однаких полосочек, по талии шили, а на талии уборочка, с рукава с пышкам" (Тихв. Ленингр.); *каза́к*: „До нас *казаки* держали, кофточка такая, рукава узкие были, а грудь была с кружевами, отделочку вставляли" (Медв. Карел.); *каза́чка*: „*Казачка* у меня была красивая: в цветах вся, только на беседы надевала" (Баб. Волог.); *ба́ска*: „*Баска* не просто размахай, а по фигуре" (Чаг. Волог.). „А *баска*, кофта такая, рукав пышный, от локтя узкий, ворот широкий, и все на пуговицах, когда на кнопочках, а внизу вроде воланчика такого, вот и *баска*" (Подп. Ленингр.); *ба́сочка*: „*Басочки* носили, на животок поуже, а дальше пошире и на животок выпускали" (Хв. Новг.) – длинная кофта, сшитая по фигуре, с невысоким стоячим воротником, с рукавами, широкими вверху и узкими у кисти. Казачок застегивался спереди на пуговицы. Носили его с юбкой или сарафаном. В Архангельской и Вологодской губерниях носили также *нарука́вники*, или *рукава́* – очень короткие кофточки с длинными рукавами или просто два рукава, соединенных на спине двумя узкими полосками ткани. Шили их из пестряди, а также шелка и кашемира.

На рубеже XIX и начала XX вв. в моду вошла городская *па́ра* – парная с сарафаном, а позднее с пышной юбкой приталенная кофта. Как правило, ее шили из одинаковой материи: Казачок да сарафан называется пара (Карг. Арх.). „У меня *пара* была, да сейчас только кофта осталась" (Вашк. Волог.). Женский костюм, состоящий из юбки и кофты, в вологодских говорах получил название *парёшка*: „У ей *парёшка-то* баская"; *па́рка*: „Больно у тя *парка-то* седни добра. Где уж эдакую парку-то себе огоревала?" (Волог. Волог.); *па́рочка*: „На Святки девушки наряжались в парочки, кофточка да юбочка, и пойдут на беседу" (Кирил. Волог.). „У матери у твоей ой какая *парочка* была – бурдовая кофта да юбка в складочку" (Баб. Волог.). В вологодских говорах *парочкой* называют также женский костюм, состоящий из платья и фартука, сшитых из одинаковой материи: Передники обязательно с кружевами и платье. Это называлось *парочки* (Тотем. Волог.). Поскольку юбка или сарафан шьется иногда из дорогих тканей, а кофты имеют богатую отделку, парочка служит подвенечным нарядом невесты: „Молодица-то нарядная, в атласной *парочке*. А как есть у девки *парочка* баская, что всех *парочек* лучше, в той и венчается" (К.-Г. Волог.).

Таким образом, на территории европейской части России и в начале XX в. традиционную одежду продолжали шить из льняной, конопляной и шерстяной ткани домашнего изготовления, которая отличалась по цветовой гамме и орнаменту. Однако уже с конца XIX в. в крестьянской среде достаточно широко использовались и фабричные ткани.

Наибольшую этнографическую ценность представляют ритуальные костюмы, праздничная и свадебная одежда. Отношение к ним было особенное,

их богато украшали, тщательнее хранили, передавая зачастую из поколения в поколение. Изучение народного наследия позволяет увидеть разнообразие форм народной одежды и используемых материалов, технологию изготовления декора, тонкий вкус и богатую фантазию народных мастеров.

Русский народный костюм на протяжении длительного времени (XVIII – сер. XX вв.) был относительно стабилен, что отмечалось практически всеми исследователями. Вместе с тем, в течение двух с половиной столетий шел непрерывный процесс развития традиционной одежды: менялся состав входивших в нее предметов, их форма, покрой, цвет и материал, изменялась манера ношения. При этом народный костюм был основным и единственным типом праздничной, повседневной и рабочей одежды крестьян.

Исследования показывают, что семиотический статус костюма, как группы функционально взаимосвязанных и взаимообусловленных предметов, на протяжении XIX – начала XX вв. продолжал оставаться очень высоким, обладал как утилитарной, так и знаковой прагматикой, т.е. соответствовал и практическим и символическим требованиям. Детство, юность, зрелость, переход из одной возрастной категории в другую, включение человека в систему родственных связей – все это как в предыдущих столетиях, так и в начале XX века, хотя и в иной форме, продолжало находить отражение в народной одежде.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ СЛОВАРЕЙ

Словарь русских народных говоров, под ред. Ф.П. Филина, Ф.П. Сороколетова, вып. 1–38, Ленинград–Санкт-Петербург 1965–2004.

Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей, вып. 1–5, Санкт-Петербург 1994–2002.

Словарь вологодских говоров, под ред. Т.Г. Паникаровской, вып. 1–9, Вологда 1983–2002.

Архангельский областной словарь, под ред. О.Г. Гецовой, вып. 1–10, Москва 1980–1999.

Новгородский областной словарь, вып. 1–13, Новгород 1992–2000.